

УМЕНИЕ
УБЕЖДАТЬ

МНОГОЛИКИЙ
ДОН-ЖУАН

ВДОМЕ политпросвещения состоялся литературный концерт лауреата Всероссийского конкурса артистов-чтецов Валерия Токарева. «Дон-Жуан» дает объяснения — так называется одна из новелл Б. Шоу. Таково же и название программы выступления артиста.

Мы услышали и увидели разных Дон-Жуанов — Дон-Жуан Мольера, Байрона, Ленау (в переводе исполнителя), Моцарта, Пушкина и упомянутого уже Шоу.

Легенда о Дон-Жуане принадлежит к числу тех немногих созданий вымысла, которые имели особенную судьбу в мировой литературе. Легенда о Дон-Жуане зародилась в средневековой Испании, стране кипучих страстей и мрачных контрастов. Этот герой старинного сказания привлекал к себе умы, давал удобные рамки для выражения целого мира мыслей и чувств.

Понстине у человечества бывают странные любимцы, которым все прощается: пороки, ветреность, обожание своей личности.

Вот перед нами Дон-Жуан Мольера. Страстно льется его французская речь, он необуздан в веселье, ему неизвестно раскаяние, он готов колоть шпагой направо и налево и бежать за каждой мантилей. Он очень воинствен, эгоист «Прометей в белодурум парике», как называл его один из издателей Мольера — Поль Менар.

Другим предстает Дон-Жуан Ленау. Это утонченный, умный, даровитый и склонный к философствованию аристократ, рано пришедший к сенсуалистическому нигилизму. В отличие от мольеровского, его Дон-Жуан тоскует по одной, идеальной женщине. Но, перебирая женщин, он не находит настоящей.

Из всех Дон-Жуанов он наиболее Фауст. Он склонен раздумывать, он слишком глубок, чтобы надолго заслонить от се-

бя весь мир одними удовольствиями.

Появляется моцартовский Дон-Жуан. Он важен, обаятелен. В арии Дон-Жуана артист передает его кипучее веселье, его страстную любовь к жизни и женщинам.

Следом за ним на сцену выходит Дон-Жуан Байрона. Он воплощенная мягкость и доброта. Если у Мольера — объект сатиры сам Дон-Жуан, то у Байрона — среда, в которой он враждовал. Перед нами своего рода анти-Дон-Жуан. Он не преступник против общества, но сам жертва его.

Совсем другой пушкинский Дон-Жуан. В нем лишена духовного принципа любовь выступает как соблазн, она существует только на момент. Ему доставляет наслаждение сознание преступления закона, вступления в единоборство с принципом. Он гибнет, но в миг расплаты сохраняет верность своим богам — отваге и чести — с верностью рыцаря, которой у него было так мало по отношению к своим возлюбленным.

В заключение концерта Дон-Жуан Шоу дает объяснения... с того света. Это остроумнейшая насмешка над аякимским благоприличием и над мужским лицемерием, старающимся сбросить вину мужского непостоянства на женское несовершенство.

Итак, Валерий Токарев в течение вечера представил нам разных Дон-Жуанов. Выразительным рисунком мизансцен, размашистым росчерком движения, пластическим жестом, голосом, артист добивался характеристики каждого.

И хотя у каждого из них есть шелковый ус и шпага и все они, не зная удержу, губят мужчин шпагой, а женщин вероломной любовью, их не спутаешь.

Г. ИВИНСКИХ.

...Литературные памятники средних веков. Солидные тома на библиотечных полках. Произведения, о которых каждый слышал со школьной скамьи, но красота которых раскрывается не сразу и не просто. Нелегко в экзотически цветистых, глухих словосочетаниях узнать мысли, родственные нашим, восторги и жалобы, подобные нашим, а без узнавания нет сопереживания, нет наслаждения искусством.

Но артист Москонцерта Сурен Акимович Кочарян умеет раскрыть эти произ-

ведения любому слушателю. Он дает миру этих произведений сценическую реальность, имеющую власть убеждать, как и всякая реальность.

Раскрывая перед публикой памятник арабской литературы — книгу сказок «Тысяча и одна ночь», он не делает упор ни на занимательные сюжеты, ни на описания фантастической роскоши. Он обнажает мысли и чувства героев почти до обыденной понятности, но не превращает сказки Шехерезады в собрание бытовых историй, случившихся несколько тысяч лет тому назад. Тут

артист умеет удержаться на очень тонкой грани и сохраняет все, чем сказки Шехерезады всегда пленяли просвещенные умы: литературное своеобразие, удивительную смесь детской наивности (с замечательным юмором подчеркивает ее артист) с глубокой мудростью, сегования на несовершенство человека с преклонением перед ним и с глубокой верой в него.

В литературных концертах Сурена Кочаряна прозвучал еще один памятник мировой литературы — произведение великого итальянского писате-

ля эпохи Возрождения Джованни Боккаччо «Декамерон». Исполняя его, артист предстает перед зрителями в образе человека весьма своеобразного. Он мог бы быть человеком эпохи Возрождения, но мог бы жить и в другие времена, например, быть нашим современником. Это человек, сохранивший в старости юношескую дерзость помыслов и неукротимое жизнелюбие.

Литературный концерт Кочаряна стал значительным событием в культурной жизни города.

Л. КОРИНА.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Г. Пермь

7 МАР 1972

340